

Декабрь 2014 года. Зона АТО. Сектор «Б»

Свинцовые, низко ползущие тучи плотным одеялом затянули тоскливое зимнее небо. Гонимые пронизывающим ветром, они неохотно брели в сторону Донецка. Казалось, что ещё немного, и это нагромождение лилово-серых облаков зацепится за верхушки деревьев и сломает их, словно соломинки. С такой погодой мы уже забыли, как выглядит солнце. Совершенно глупая мысль о том, что теперь такая беспросветная, серая пелена на небе будет всегда, стала посещать нас всё чаще.

Потрёпанный войной и временем УАЗ-452, прозванный в народе за форму кузова «буханкой», надрывно рычал двигателем и, по-стариковски скрипя на каждом ухабе всеми суставами, испуганно петлял по прифронтовым дорогам. За грязными окнами салона автомобиля, сиротливо прикрытыми замусоленными занавесками, мелькали посёлки Донецкой области. Покосившиеся заборы, лишённые хозяйской заботы, сразу же постарели на десятилетия. Зияющие пустотой оконные проёмы брошенных домов равнодушным взглядом смотрели на проезжающий мимо транспорт. Многие местные жители, не дожидаясь, пока в их дворы начнут прилетать смертельные «подарки», ещё весной сбежали от войны куда глаза глядят. Но раз за разом тонкий металл кузова нашего автомобиля незримой кумулятивной струёй человеческой ненависти насквозь прожигал брошенный исподлобья взгляд. По версии российской пропаганды, для основной массы местных жителей мы все были карателями, фашистами и ещё Бог знает кем.

В салоне «буханки» сидели два сержанта. Седовласый весельчак и балагур Белый, раз за разом поправляя на плечах бронезилет, что-то недовольно бурчал себе под нос. Кому адресованы были все его лестные эпитеты, из-за звука громко работающего двигателя было

не разобрать. Рядом с ним, поставив одну ногу на ящик с патронами, сидел угрюмый здоровяк Марчелло. Молча глядя в грязное маленькое окно, боец нервно барабанил пальцами по цевью автомата, крепко сжимая оружие коленями. Машину всё время подбрасывало на бесконечных ухабах, и вороненая сталь так и норовила ударить сержанта по коленному суставу. Джек, невысокого роста худощавый солдат, занимал место водителя. Объезжая очередную яму на дороге, он неистово матерился, вспоминая в своих непечатных выражениях всех подряд. Долбанных россиян и местных сепаров, из-за которых пришлось идти на войну. Лысую резину колёс, качество бензина и окончательно разбитую войной дорогу, которая после грядущей весенней распутицы скорей всего совсем распрощается с остатками асфальтового панциря. Я уже немного изучил его характер и не сильно вслушивался в этот монолог. Побухтит и перестанет. Тем более что Джек был парнем беззлобным и сейчас ворчал скорее просто так, чтобы не скучно было. Ах да, чуть не забыл, на пассажирском сиденье, вцепившись рукой в поручень, сидел я. Типичный солдат, вернее, старшина ВСУ, одетый примерно так же, как и остальные ребята, сидевшие в автомобиле. Нового образца, но уже слегка потёртая камуфляжная куртка, утеплённые штаны, на ногах чёрные берцы — подарок волонтёров, и вязаная шапочка, которая при желании превращалась в балаклаву. Поверх куртки был надет новенький бронежилет. На дырявом клетчатом одеяле, закрывавшем капот УАЗика, лежал мой кевларовый шлем. Приходилось придерживать его рукой, чтобы на очередной колдобине он не улетел в салон или, чего хуже, в лобовое стекло автомобиля. На коленях дремал АКМС,^[1] а на бедре в кобуре болтался пистолет. Ну да ладно, о моей персоне расскажу чуть позже. Наш путь лежит в один из батальонов 93-й механизированной бригады. Цель — получение аппаратуры связи.

На обочине показался погнутый в нескольких местах придорожный указатель — Тоненькое. В считанных километрах от этого маленького посёлка, до войны мало кому известного, находится Донецкий аэропорт, ставший филиалом ада на земле. Вот уже больше полугода в его терминалах, давно разбитых огнём артиллерии, горстка украинских солдат, вчерашних менеджеров, юристов, слесарей, круглосуточно сражалась с необузданной ордой наёмников из России, щедро разбавленных местными люмпенами.

Медленно, как шхуна на океанских волнах, переваливаясь с одной глубокой колеи на другую и на все лады возмущенно ворча двигателем, УАЗ подъехал к импровизированному шлагбауму. Дачный кооператив ютился на западной окраине маленького посёлка. Где-то здесь, в одном из десятков приземистых домов, жили связисты. Машина остановилась, заскрипев изношенными тормозными колодками.

На снаряжном ящике со скучающим видом сидел боец и ковырял землю каблуком заляпанных грязью кирзовых армейских ботинок. Автомат с перемотанным рыжим медицинским жгутом прикладом лежал на его коленях. Недалеко от КПП, скрытый от любопытных глаз маскировочной сетью, в капонире дремал «мишка».^[2]

— Привет! Как проехать к связистам? — Джек открыл ветровую форточку.

Солдат в затёртом до дыр бронежилете оторвался от своего меланхоличного занятия, встал с ящика и поправил чёрный шлем на голове. Окинув равнодушным взглядом заляпанную грязью машину, он махнул рукой куда-то в сторону дачных домиков, чьи крыши робко выглядывали из-за деревьев.

— Да хрен их знает, где-то на второй улице обитают.

— Дякую, друже!

Парень, ежась от пронизывающего ветра, наклонил голову к висевшей на левой стороне

грудь рации «Моторола» и нажал кнопку на её корпусе:

— Артек... Балке!

Мы не двинулись с места. Его взмах рукой можно было расценить как угодно, а получить пулю в спину от ретивого солдата не особенно хотелось.

— Артек... Балке!

Рация молчала.

— Ну шо? Мы поехали? — Джек ёрзал от нетерпения, скрипя сиденьем.

Часовой, стоя к нам в пол-оборота, буркнул:

— Зачекайте! — и снова наклонился к рации. — Артек... Ответь Балке!

Рация характерно пиликнула и тоном дежурного по железнодорожному вокзалу звонкий женский голос произнёс:

— Балка... Артек на зв'язку!

— Здесь ребята приехали к связистам. Пропускать?

— Зараз... — на несколько секунд воцарилась тишина. — Балка, я Ворон! — в этот раз радио эфир ожил недовольным мужским баритоном. — Что за ребята, откуда?!

Часовой повернулся к нам с вопросительным взглядом. Я наклонился в сторону Джека, с чьей стороны было открыто ветровое окно, и громко сказал:

— Тридцать седьмой батальон. Связисты.

Боец продублировал услышанную информацию в динамик рации. Через секунду тот же мужской голос, принадлежавший какому-то Ворону, дал разрешение на въезд. Кривая оглобля, выполнявшая роль шлагбаума и наспех покрашенная в цвета милицейского жезла, нехотя поползла вверх, тем самым освободив нам проезд.

Джек закрыл окно, пробурчал «идиоты», и со скрежетом включил передачу.

Спорить с водителем не хотелось. Дежурный на КПП выполнял свои обязанности, тем более здесь, в считанных километрах от оккупированного Донецка, шанс принять в гости вражескую ДРГ, то есть диверсионно-разведывательную группу, был чрезвычайно велик.

Поколесив пять минут среди дачных проспектов и бульваров, мы не без труда нашли искомый дом. Еще года полтора назад здесь бурлила такая привычная каждому из нас загородная жизнь и заботы: обрезать деревья, подвязать виноград, снять урожай яблок. Скрипели качели, был слышен детский гомон и смех. Облокотившись на забор, соседи обсуждали тактику и стратегию в борьбе с долгоносиком, а вечером приглашали друг друга на шашлыки под сто грамм самогона. Но это было тогда. В прошлой жизни. Сейчас наступили другие времена. Палисадники хаотично перекопаны воронками, оставленными взрывами мин и снарядов. Стволы деревьев и стены домов изрядно посеколо осколками, а в переулках, с безопасной стороны, чтобы не достала вражеская артиллерия, испуганно прильнула к домам техника.

На крыльце нужного нам дома, вальяжно рассевшись в старом продавленном кресле, курил молодой солдат. Зажав в углу рта дымящуюся сигарету и прищурился, он периодически тыкал пальцами в экран планшета. Услышав звук подъехавшей машины, парень поднял голову и окинул «буханку» мимолётным равнодушным взглядом и снова вернулся к своему увлекательному занятию.

— Начальник связи здесь живёт? — открыв свою дверь, спросил я.

— А вы кто такие? — парень сдвинул на затылок вязанную чёрную шапку.

— Мы из 37-го бата. Оборудование нужно у вас забрать.

— О! Наконец-то! Ждём вас, чуваки, — неожиданно радостно воскликнул боец и,

захлопнув чехол планшета, вскочил с кресла. — Прячьте в проулок ваш драндулет и заходите скорей в дом. Сепары могут в любую секунду начать херачить. У них уже несколько дней военный энурез.

Парень бросил окурок в сторону импровизированной урны, роль которой выполняла гильза от «Рапиры»,^[3] и направился к металлической входной двери, на поверхности которой смерть уже не единожды расписалась осколками. Связисты облюбовали аккуратный двухэтажный домик из красного кирпича. Несколько тесных комнат, выцветшие обои с цветочками на стенах, криво висящий морской пейзаж в простенькой раме и минимум мебели. Война добавила свои штрихи к интерьеру. В узком коридоре сложены ящики с боеприпасами. В стену впились несколько ржавых гвоздей, на которых висели три РПГ-26.^[4]

Оконные проёмы закрывали снарядные ящики, обычно до отказа набитые землёй, камнями и строительным мусором. В небольшой комнате, слева от входа, на выдавшем виды диване, чья обивка от времени давно утратила свой первоначальный цвет, кто-то спал, укрывшись бушлатом и едва слышно похрапывая.

— Михалыч, к нам гости! — встретивший нас парнишка подошёл к лестнице, ведущей на второй этаж, и крикнул куда-то вверх: — Ребята из тридцать седьмого бата наконец-то доехали.

— Блин! Иду! — через несколько секунд раздался чей-то раздражённый голос и уже чуть тише пробурчал: — Да что за день сегодня такой, придурошный?!

Шлёпая подошвами резиновых тапочек по деревянным ступенькам лестницы, со второго этажа спустился худощавый капитан. Без единого слова, сонно щурясь от яркого света, он прошёл мимо нас на кухню. От офицера разило устойчивым запахом перегара. Я не одобряю дружбу с алкоголем в зоне боевых действий, и соответствующая гримаса отразилось у меня на лице. Михалыч подошёл к пластиковому столу и заглянул внутрь новенького электрического чайника. Прищурившись и размышляя, хватит ли воды, он захлопнул крышку и щёлкнул кнопкой на ручке. Чайник деловито зашумел.

— Не смотри на меня так, — стоя в пол-оборота ко мне, вместо приветствия недовольным голосом сказал капитан, открывая грязными пальцами кофейный стикер, — всю ночь ковырялся с рациями на коробочках, мать бы за ногу этот каменный век.

Он на некоторое время смолк, высыпал содержимое пакетика в щербатую керамическую кружку с эмблемой киевского футбольного клуба на боку и продолжил свой монолог:

— Утром к ребятам в ДАП ушли три матальги^[5] и с одной пропала связь. Я думал всё, пизд@ц пацанам! Чуть с ума не сошёл, — взволнованно говорил он. — Слава Богу, что рация снова сдохла... Да и хрен с ней! Главное, что все живые вернулись.

Чайник с характерным звуком щёлкнул, давая понять, что свою работу выполнил. Офицер налил кипятка в кружку, размешал одноразовой ложкой дмящуюся коричневую жижу, повернулся и уставился на меня:

— Так что — сам понимаешь... Пришлось выпить сто грамм, чтобы крыша совсем не съехала на хрен.

Только в этот момент я заметил, что парень мертвецки устал. Осунувшееся овальное лицо, красные от бессонницы глаза, торчащие вихры давно не мытых каштановых волос. За счет чего он еще стоял на ногах, ходил, соображал, было непонятно. В измождённом взгляде серых глаз — крошечная пустота. В любую секунду капитан мог свалиться от усталости. Про перегар я уже не вспоминал.

— Так чего ты приехал? Ах да, вспомнил, — офицер поправил наброшенный на плечи армейский бушлат, — сейчас всё решим. Кстати, кофе будете, а то я спросонья и не предложил вам? Скажете еще потом, что я жмот какой-то! — усталая улыбка робко осветила его изнурённое лицо.

Мы не успели ответить. На улице раздался нарастающий зловещий свист и через доли секунды он уже выворачивал наизнанку душу.

Где-то совсем рядом гулко ахнула мина калибром 120 миллиметров и в комнате испуганно зазвенели остатки оконных стёкол.

— О! Начинается! Прокинулись бл@ди! — сжав зубы, зло прорычал капитан. Отбросив ногой старенький половик, он распахнул квадратный люк погреба. — Прыгайте сюда хлопцы, подождём, пока эти падлы угомонятся.

На столе осталась дымиться уже никому не нужная кружка с кофе...

* * *

Дорогой читатель, на страницах этой книги я хочу тебе рассказать о войне, которая неожиданно ворвалась в нашу жизнь, изменив её раз и навсегда. В событиях, которые раскаленным железом прошли через наши судьбы, есть одна подробность, с которой до сих пор трудно свыкнуться. Трагедию, ужас и смерть в наши дома принёс так называемый братский народ, коим мы десятилетия считали россиян.

Практически все события и действующие лица моего повествования совершенно реальны. Ну, разве что добавил немного красок к описанию неба и леса — всё же это книга, а не выдержки из журнала боевых действий. А в остальном — перед вами самая настоящая явь. С кошмарными снами, молитвами на дне окопа и слезами у могилы погибшего друга.

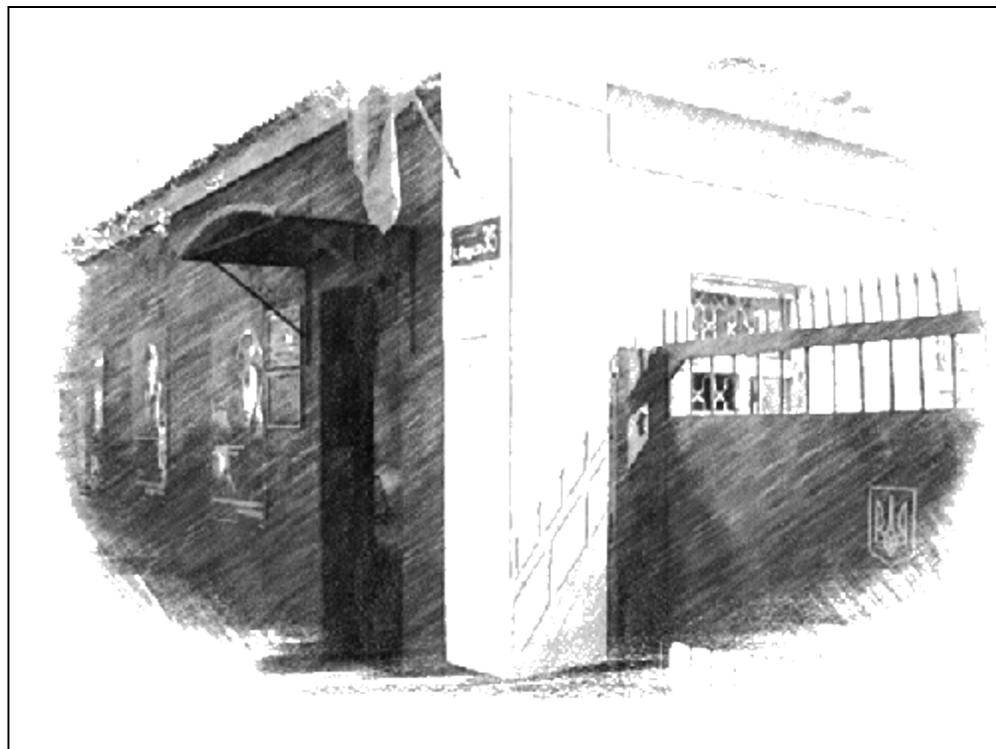
Итак, меня зовут Кот, вернее — это мой позывной. Почему именно так? Да Бог его знает! Дело в том, что, когда ты вдруг совершенно случайно оказался в армии, тебе проще самому выбрать собственное второе имя. Иначе кто-нибудь другой блеснёт интеллектом размером с армейскую фуражку и придумает тебе псевдоним. И ты с ним здесь будешь жить, есть, пить, спать, воевать и умирать, если не повезет. А придумать могут всё что угодно, это же военные! У них фантазия оттачивалась в отдельных кабинетах. Ну и конечно признаюсь, что люблю я котов, мерзавцев хвостатых за их самостоятельность и независимый характер. Что бы вы ни говорили или же требовали, кот внимательно вас выслушает, но сделает по-своему. Другой алгоритм действий заблокирован на генетическом уровне. Извините, отвлёкся. Книга все-таки о войне. В общем, мой позывной Кот.

Мне пятый десяток годков. Выше среднего роста, чёрные с проседью волосы, серо-зелёные глаза. Такой себе обыкновенный (какой-то там по статистическому рахунку) украинский мужик. Жена, дочь, небольшое пивное брюшко и жменя удилиц в кладовке. Всё как у всех, ничего блистательно-экссклюзивного. Жил себе не тужил, пока судьба не заложила такой крутой вираж, что от перегрузки потемнело в глазах.

Глава 1

Военкомат

Оказывается, те сны, в которых меня второй раз призывали в армию, оказались вещими.

1–2 марта 2014 года. Мелитополь. Страшные дни

Для меня всё началось в первый день марта 2014 года. Четвёртый месяц в стране бурлили, можно сказать, раскалённой вулканической лавой клокотали события, получившие своё начало на киевском Майдане. Мирные плакаты в руках студентов с требованием к Президенту подписать соглашение с Евросоюзом, в конце концов вылились в свинцовые пули. Маленькие кусочки металла монотонно, со смертельным безразличием укладывали тела безоружных ребят на мёрзлый асфальт улицы Институтской. Бросали парней без единого шанса подняться, вернуться домой, чтобы снова увидеть тёплый взгляд своих родных и близких. Автоматные и винтовочные пули, выпущенные с расстояния в две сотни метров, прошивали железные и фанерные щиты митингующих, как нож марлю. Снайперы, засевшие на крышах зданий, стреляя на выбор, устроили смертельное сафари в центре Киева.

«Цель — ростовая фигура. Расстояние двести метров».

В современную оптику с такой дистанции можно пересчитать родинки на испуганном лице. Различить цвет глаз. Увидеть дрожание губ. Рассмотреть шрамы, заработанные в драках за внимание самой красивой девчонки в классе. Лёжа на каремате с винтовкой в руках, снайпер посмотрел в прицел. Безоружный парень, фактически ещё мальчишка, пригибаясь, перебежал улицу Институтскую и отчаянно бросился на землю, притаившись за узкой свечкой бетонного столба. Стрелок равнодушно ухмыльнулся.

«Наивный мальчик. Половина головы не влезло! Ну, извини!»

Человек в черной форме немного наклонил винтовку и бросил задумчивый взгляд на прицел.

«Ветер порывистый, может, стоит внести корректировку? Хотя зачем? Расстояние, как в пляжном тире. Можно щёлкать на выбор. Ветер не помеха».

Снайпер поправил совершенно сейчас бесполезную балаклаву, вдохнул, выдохнул и положил палец в тонкой кожаной перчатке на спусковой крючок.

«Господи! Это же охота на куропаток, а не работа!» В прицеле не осталось места, кроме головы в старом как мир армейском шлеме. Плавный спуск. Винтовка судорожно дёрнулась, ткнув прикладом в плечо. Над ухом треснул звук удара бича. Цель исчезла из прицела. Снайпер поднял голову. С такого расстояния парень, который секунду назад поймал пулю, был как на ладони. Тело несколько раз дёрнулось и замерло. Стрелок прильнул к резиновому ободу прицела. В оптику отчётливо было видно, как из аккуратного отверстия в каске на асфальт тонкой, пульсирующей струйкой потекла алая кровь.

Снайпер едва заметно утвердительно кивнул головой.

«Стоп. А вот ещё один ползёт, прикрывшись металлическим щитом. Он будет шестым. Главное — не забыть их посчитать. Потом же не докажешь, когда будут премию выплачивать... Итак! Это шестой».

Прищурился, стрелок немного поворочался на удобном каремате, задержал дыхание, и палец уже в который раз прикоснулся к спусковому крючку винтовки. В патроннике затаилась свинцовая пуля. Через пару секунд она поставит точку в жизни простого украинского парня. С каждым зловещим, как само дыхание смерти, оглушающим, бьющим наотмашь по сознанию выстрелом обрывалась чья-то жизнь. Вот так всё просто оказалось в современном мире. Кто-то решил по-своему, и одним ленивым росчерком пера, практически не глядя, вычеркнул имена сотни людей из книги жизни.

В Мелитополе, небольшом провинциальном городе на юго-востоке Украины, в котором я родился, вырос и даже успел поседеть, тоже был свой Майдан. Слава Богу, мирный. Маленькая частичка киевской революции. По воскресеньям на центральной площади города, возле памятника Тарасу Шевченко, собирались бизнесмены и слесари, менеджеры и домохозяйки. Люди приходили, чтобы здесь, в своём городе, высказать гражданскую позицию в отношении событий в стране. Многие не разделяли или были полностью равнодушны к Европейскому пути развития, выбранному Украиной, но звериное избиение спецподразделением милиции «Беркут» безоружных студентов на Майдане всколыхнуло души миллионов украинцев. В разговорах на кухнях, в пивных барах, за чашкой кофе жила одна-единственная тема — Революция Достоинства.

Бегство бывшего Президента Украины в феврале 2014 года подарило нам призрачную надежду. Наконец-то всё закончено и тот смертельный счёт, который судьба выписала стране за её ошибки, навсегда закрыт на улице Институтской. Но увы. Как после оказалось в итоге, это была прелюдия, политический аванс, и всё только начиналось. Пользуясь неразберихой в украинском политикуме, Россия сразу же начала разыгрывать свою козырную карту из давно припасённой крапленой колоды, имя которой Крым...

В ленте вечерних новостей, где каждая строчка сводила с ума, ближе к вечеру 1-го марта, рванула информационная бомба: «Совет федерации России удовлетворил просьбу

Президента Владимира Путина о вводе войск на территорию Украины!»

Словно каменный истукан, я сидел перед ноутбуком и смотрел в монитор невидящим взглядом. Сознание отказывалось воспринимать увиденное и услышанное: «Стоп, стоп! Какой ввод войск? Куда? В Украину? С ума сошли, что ли?». Да, группировка российских войск всё время была в Крыму, но в данном случае речь шла о чём-то более глобальном и зловещем.

Наступившая ночь, наверное, была самой страшной в моей жизни. Невзирая на все старания, она так и не принесла ответа на единственный вопрос: «Что же делать дальше?» и лишь усилила чувство до этого не ведомой тревоги. В стороне военного аэродрома, до которого от моего дома было рукой подать, вдруг на всю мощь загудели двигателями военно-транспортные самолёты Ил-76. То, на что еще неделю назад я не обратил бы никакого внимания, в эту ночь заставляло постоянно вздрагивать. За каждым звуком, который доносился с улицы, уже слышалась война, хотя тогда я и понятия не имел, как же она звучит?!

Глаз так и не сомкнул.

Утро вопреки моим ожиданиям так и не принесло спокойствия, и в голове творилось что-то невообразимое. Жена ещё была не в курсе вечерних новостей и традиционно готовила на маленькой кухне завтрак, деловито гремя посудой. Стараясь не шлёпать тапочками и ступать, как можно тише, я подошёл к супруге, обнял её за плечи и уткнулся лицом в волосы. Пьянея от любимого аромата её духов, я прошептал:

— Доброе утро, Оль!

— Привет, любимый! — жена повернула голову и подставила щёку для поцелуя.

С трудом подбирая слова, стараясь придать своему голосу максимально спокойный тон, я прошептал на ухо:

— Ты не помнишь, где лежит мой военный билет?

Супруга резко повернулась и уставилась на меня испуганными серыми глазами.

— Что-что?.. Какой военный билет? — за два десятилетия совместной жизни я не помню, чтобы она так смотрела на меня. — Зачем он тебе?

— Мне нужно идти в военкомат! Секретарь СНБО объявил мобилизацию.

— Алёша, ты с ума сошёл? — её голос пронзили надрывные аккорды.

— Я сошёл? Нет, дорогая! Хотя ещё одна такая ночь — и диагноз будет именно таким! — я обнял её за плечи. Жена не сдвинулась с места, продолжая сверлить меня тем самым до этого не знакомым взглядом.

— Ну Оль, ну... Сейчас же сами позвонят, смысл тянуть резину? — я старался говорить как можно спокойней, будто речь шла не о походе в военкомат страны, которая оказалась на пороге войны, а о поездке на очередную рыбалку. Лучше бы вообще молчал, всё получилось из рук вон фальшиво.

Она судорожным движением вырвалась из моих объятий и без единого слова ушла в спальню. Вернувшись через пару минут, Ольга молча протянула мне маленький документ в потрепанной бежевой обложке — военный билет советского образца.

Я собирался, стараясь не смотреть в её заплаканные глаза. Всё время говорил, пытался неуклюже шутить, главное, чтобы в квартире не воцарилась тишина.

— Оль. А ты будешь меня с армии ждать? Ну, скажи, будешь? — улыбнувшись, подошёл к ней и взъерошил пальцами её светлые, вьющиеся волосы.

— Это ты сейчас так пошутил? — супруга стояла, безвольно опустив руки, и осуждающе

смотрела на меня взглядом, полным душевной боли. — Алёш! Хватит дурачиться... Лучше скажи, что ты будешь брать с собой?

— Честно? Понятия не имею. Ну что там написано в приписном свидетельстве? Кружка, ложка, сменное бельё и так далее.

Я действительно не знал, что в этом случае нужно взять. Да, в приписном свидетельстве, цветном куске картона, вклеенном в военный билет, было что-то написано на этот счёт. Но сколько воды утекло с тех пор, когда разрабатывались эти инструкции. «Так, что-то из тёплых вещей, мыльно-рыльные принадлежности, запасная пара носков, бельё, зарядка для телефона. Всё вроде?! Ах да, деньги и паспорт на всякий случай», — мысли металась в голове, словно ласточки, попавшие в тесную комнату.

Я сложил всё в старую спортивную сумку и поцеловал Ольгу, по-прежнему стараясь не встречаться с ней взглядом. После пробормотал, что-то стандартное в стиле «Не переживай любимая, все будет хорошо», тайком перекрестился и вышел из квартиры.

Городской военкомат, стены которого ещё помнят горячее лето 1941 года, медленно просыпался от долгого, более чем полувекового сна. Страхивал с себя тонны пыли, стучал ящиками картотек и, словно растревоженный улей, гудел десятком голосов.

В одном из кабинетов, за массивным и обветшалым за десятилетия столом, который сохранился здесь с незапамятных времён, сидела пожилая женщина. Постоянно поправляя на переносице старомодные массивные очки, она раскладывала по стопкам карточки военного учёта. Рядом на полу стоял открытый массивный железный ящик. Его прямоугольное нутро бережно хранило кипы прямоугольных, пожелтевших от времени картонных листов, с полной информацией о военнообязанных.

— Доброе утро! — я облокотился на деревянную стойку, разделяющую кабинет, и протянул женщине военный билет.

— О! Здравствуйте! Вы сами пришли, а мы только собирались вам звонить! — звонким голосом радостно протарахтела сотрудница военкомата, переписала в лист бумаги какие-то данные и вернула мне документ. — Алексей, проходите пока в світлицю, подождите там.

В бывшей ленинской комнате, которая теперь называлась «світлиця», постепенно собирались люди. Такие же, как и я, обыкновенные мужики, но с перепуганными, как у детей, глазами. Каждую минуту кто-то заходил, здоровался и уже после оглядывался по сторонам в поисках свободного стула. В ожидании хотя бы какой-то информации все присутствовавшие пытались себя занять делом. Нарочито, в десятый раз перечитывали плакаты с кратким курсом истории Украины, которыми были увешаны стены. Или же сидели и смотрели в окно, погружившись в свои никому не известные мысли. Лишь один парень не вписывался в общий гнетущий фон. Он ходил по комнате из угла в угол и очень эмоционально с кем-то разговаривал по телефону, будто бы ничего особенного и не происходило.

Казалось, что от напряжения и обилия мыслей у каждого из нас атмосферу в комнате вот-вот пронзят электрические разряды. Усевшись за свободный стол, я бегло ознакомился с историей Запорожской области, о которой вещал стенд на стене, и потом так же, как и остальные, уставился в окно, изо всех сил пытаясь собрать мысли воедино. Вернее, успокоить их. «Так, Петров. Ничего страшного пока не происходит. Всё образумится, во всём разберутся в верхах. Это же политики, мать бы их за ногу... Посидим сейчас часик-полтора и разойдемся по домам. Первый раз, что ли?»

Действительно, это был не первый мой визит в военкомат за двадцать два года,

истекшие с моей демобилизации со срочной службы. Именно потому женщина в кабинете и узнала меня. За пять лет до описываемых событий мне внезапно позвонили из неприметного, но всем известного здания в старой части города и вызвали для беседы. Во время короткого разговора с одним из заместителей военкома быстро и доходчиво объяснили, что отныне я включён в штат военного времени. И теперь раз в год, ну максимум два раза, меня будут вызывать на учения. Так и вышло — иногда звонили из военкомата с просьбой прийти. Пару часов с мужиками, которых вызвали так же, как и меня, — посидели, потравили анекдоты и после отправились на пиво, так как в карманах уже лежали повестки с отметкой о том, что именно в этот день мы самоотверженно ничего не делали. Но теперешняя ситуация мало походила на беззаботные посиделки прошлых лет.

Через полчаса в світлицю энергичным шагом влетел военком. Крепкий, среднего роста моложавый подполковник, нервно бросил на длинный стол рабочий блокнот и повернулся к нам лицом:

— Утро доброе!.. Хотя, какое он на хрен доброе?! — Александр Лушников, именно так звали стоявшего перед нами офицера, окинул растерянным взглядом всех сидящих в комнате. — Так, парни! Я сам в данный момент не совсем понимаю, что вообще происходит. Но тем не менее вас всех вызвали сюда не просто так, а значит, слушайте меня внимательно.

Военком зачитал наши фамилии с указанием должностей согласно штату военного времени и озвучил номера кабинетов, где наши подразделения должны собраться. Закончив речь, он таким же быстрым шагом вышел из комнаты. Мы сидели не в состоянии пошевелиться, словно парализованные, и недоуменно смотрели друг на друга. В этот раз понятие «штат военного времени» прозвучало очень даже реально. По спине табуном побежали железные муравьи.

Минуло три часа. После бесцельного брожения по двору и коридорам военкомата и массы разговоров о политике нас всех отпустили по домам. Перед этим предварительно объявив, что начинаются двухнедельные сборы и на этот раз все очень серьезно. Да кто бы сомневался?

— Алёш, ну что там? — супруга прямо с порога квартиры устроила мне маленький допрос. — Куда и когда вас отправляют?

— Да я точно ничего и не знаю. Вроде пока остаёмся в городе, — я наклонился и поцеловал жену. — Завтра в восемь утра нужно быть в военкомате. Сборы начались. — И уже улыбнувшись, пробормотал: — Мась! Я голоден как собака, а солдат в армии положено кормить.

— Марш руки мыть, солдат мой неугомонный! — Ольга поцеловала меня в щёку. Забрала куртку и, пока я разувался, повесила её на старую вешалку. Тайком улыбаясь, жена отправилась на кухню готовить ужин.

3 марта 2014 г. Мелитополь. Первая тревога

Весь следующий день, проведенный в военкомате, прошел уже в привычных хождениях из угла в угол. Те, у кого были смартфоны и планшеты, выступали политинформаторами, постоянно озвучивая окружающим каждую новость, которая непосредственно касалась Украины. Новостей было много, и все они были похожи на чью-то глупую шутку.

— Та всё нормально, пацаны! У меня кент живёт в Керчи. Никто и никого не блокирует.